

Сильвано Костанцо

Виртуальное единство.

Странная судьба народа святых, мореплавателей и героев

Почему спустя 150 лет после объединения Италии итальянцы продолжают чувствовать себя разделенными и почему это чувство можно считать как их слабостью, так и силой.

В этой своей работе я попытаюсь объяснить, почему, на мой взгляд, Италия до сих пор не является единой и почему, возможно, никогда такой не будет. Или, по крайней мере, я попытаюсь объяснить, почему Италия никогда не будет такой единой, какими являются, например, Франция или Австрия. Впрочем, я вообще сомневаюсь, что такой вид единства подходит для Италии и пойдет ей на пользу.

Не будучи ни профессором университета, ни историком по профессии, дабы подкрепить свои размышления, я воспользуюсь свободами, данными мне как журналисту и художнику. Кроме того, я затрону самые разные области знания, такие как лингвистика, история, география, биоразнообразие, экономика, психология, политика и даже национальная кухня. В качестве аргументов я также буду приводить ситуации из жизни, некоторые из которых произошли лично со мной. Кроме того, я намереваюсь совершить путешествие в прошлые века, поскольку полагаю, что наша сегодняшняя реальность имеет очень давние корни, и следовательно, для того чтобы понять, кто мы есть, необходимо вспомнить, кем мы были когда-то.

Для начала обратимся к нескольким сторонним мнениям об Италии, восходящим к прошлому, а именно к XVIII в. — периоду, когда наибольшее развитие получил культурно-туристический феномен, известный нам под названием *Grand Tour*.

Grand Tour представлял собой путешествие по разным странам, принимавшееся отпрысками европейской аристократии, неперменной составляющей которого был Апеннинский полуостров. Когда путешественники возвращались в свои страны, они нередко публиковали заметки о своих поездках. Самый известный пример таких путевых заметок — это, без сомнения, дневник Гете, хотя в XVIII в. «Большое путешествие» принимали чаще всего англичане. Большую часть их заметок о путешествиях составляют банальные мысли, а то и вовсе откровенные глупости.

Однако в некоторых случаях эти английские путешественники оказывались весьма занятыми персонажами, благодаря чему можно и сегодня почерпнуть в их путевых дневниках некоторые интересные сведения. Я упомяну здесь двух таких авторов.

Джозеф Аддисон, поэт, писатель, журналист и государственный деятель, посетил Италию в самом начале XVIII в., и среди его заметок можно прочесть следующие строки: «Ни одна страна в мире не может похвастаться таким разнообразием правительств, которые принимают совершенно разные и оригинальные конституции».¹

Джон Сизмонд побывал в Италии во второй половине XVIII в. Он был профессором истории Кембриджского университета, а также экспертом по агрономии. Сизмонд столкнулся с немалыми трудностями в процессе своих агрономических изысканий, поскольку, несмотря на хорошее владение устным и письменным итальянским языком, ему не удалось как следует пообщаться с земледельцами. «Диалекты в Италии, — жаловался он, — свои в каждой деревне».²

Приведенные мной цитаты касаются, соответственно, политики и языка и послужат мне отправной точкой в дальнейших рассуждениях. Я начну с языка и сделаю это, как и обещал, рассказав случай из собственной жизни.

Около тридцати лет назад пожилая тетушка моей жены, которая родилась и всю жизнь прожила в Апулии, т. е. в одной из южных областей Италии, приехала в Пьемонт, т. е. в одну из северных областей Италии, где жили мы с женой. Во время этой поездки тетушка поехала навестить мою мать, которая была ее ровесницей. Я знал их обеих как женщин весьма болтливых и был порядком удивлен, когда увидел, что они сидят напротив друг друга в полной тишине. Я спросил у них, что происходит, почему они молчат. «Мы пробовали поговорить, — отвечали они, — но мы не понимаем друг друга». И действительно, тетушка жены говорила только на апулийском диалекте, а моя мать — только на пьемонтском. Эти два языка настолько различались, что две женщины не могли общаться. Они обе понимали итальянский, но ни та, ни другая на нем не говорили.

---

¹ Цит. по: *Venturi F. L'Italia fuori d'Italia // Storia d'Italia 6. Einaudi-Il Sole 24 Ore. Torino, 2005. P. 1013.*

² *Ibid. P. 1111.*

Как я уже упоминал, этот эпизод имел место тридцать лет назад. Таким образом, через сто двадцать лет после объединения Италии, значительное число итальянцев еще не говорили на общем языке. Но как такое возможно? Даже если обвинить в нерадивости различные правительства, которые внедряли в Италии после 1861 г. политику объединения, остается необъяснимым, как в Италии еще совсем недавно могла существовать такая путаница языков и диалектов? По сути, итальянский язык возник не вчера — уже в XIII в. им пользовались Франциск Ассизский, Якопоне да Тоди и сицилийская школа поэзии, а «Божественная комедия» Данте относится к XIV в. Как же тогда объяснить тот факт, что на итальянском языке, появившемся давным-давно, долгие века не говорили на той территории, где он возник?

Если обратить все это в шутку, то можно было бы вменить это в вину именно Данте. «Божественная комедия» есть выражение зрелого развитого языка, как будто он возник уже великим. В действительности же великим был Данте. Его «Комедия» была гениальным поэтическим выражением обширного наследия культуры Рима и Средневековья. «Божественная комедия» была написана на уровне столь высоком, что понять и оценить ее было способно только относительно малое количество образованных людей, причем даже из тех, кто ежедневно говорил на флорентийском диалекте.

Таким образом, величие итальянского языка рождается с Данте, но трагивает оно лишь малую часть населения — элиту итальянского полуострова. Сила «Божественной комедии» была столь велика, что довольно быстро, в том числе, усилиями Петрарки и Боккаччо, флорентийский диалект становится наиболее употребительным вариантом итальянского среди представителей образованных сословий. Они использовали его как общепонятный язык, чтобы общаться между собой, постепенно заменяя им латынь. Но большая часть жителей Италии продолжала говорить на местных диалектах, которые развивались и множились с течением времени.

Подсчитано, что на момент объединения Италии, т. е. в 1861 г., лишь менее 5% жителей полуострова говорили на итальянском языке.

Когда Массимо Д'Адзельо сказал: «Италию мы создали, теперь будем создавать итальянцев», он, среди прочего, имел в виду и использование языка. Проблему отсутствия настоящего национального языка, используемого всем населением, осознало уже первое объединенное правительство. К сожалению, инструменты, которыми оно располагало для изменения

этой ситуации, были катастрофически малочисленны и сводились фактически к двум.

Первым и самым очевидным была школа. Жаль только, что большинство итальянцев тогда в школу не ходили. Процент безграмотного населения, особенно на Юге, был огромен.

Вторым инструментом, которым располагало постунитарное правительство для объединения веками разделенного народа, была армейская служба. Обыкновенно солдаты проходили службу не в тех регионах, в которых они родились. В казармах солдат оказывался бок о бок с людьми, которые говорили на разных диалектах, и использование итальянского языка становилось необходимым для общения как с сослуживцами, так и с жителями той области, в которой он служил. Впрочем, то, что выучивали призывники, было грубым и ограниченным «казарменным итальянским языком». Женская же часть населения была лишена даже этой, пусть и ограниченной, возможности выучить государственный язык.

Ни показательные усилия по объединению итальянцев, предпринимавшиеся фашистским режимом, ни распространение такого потенциально «объединяющего» инструмента, как радио, не были способны вмешаться в этот уклад вещей. Несмотря на то, что все больше людей понимали итальянский язык, большая часть населения по-прежнему была не в состоянии говорить на нем, по крайней мере, не настолько, чтобы выражать сколь-нибудь сложные мысли.

Только после Второй мировой войны, т. е. в середине XX в., ситуация начала серьезно меняться, по крайней мере, для новых поколений, которые могли получать так называемое «обязательное образование», предписанное законом. Распространению государственного языка чрезвычайно способствовала массовая миграция в 50–60-е годы XX в., когда сельские жители южных регионов потянулись на Север для работы на открывавшихся фабриках. Ежедневное использование итальянского языка, таким образом, становится абсолютной необходимостью — не только для того, чтобы работать, но даже просто для того, чтобы ходить в магазин за покупками. Но, как бы то ни было, именно телевидение сделало итальянский по-настоящему национальным языком. И только сегодня, в начале третьего тысячелетия, мы можем с полным правом утверждать, что, за исключением некоторых меньшинств, итальянцы говорят по-итальянски. Впрочем, верно и то, что в сельских местностях как на Севере, так и на Юге, большинство жителей двуязычны. В повседневных делах, в семье,

в деревнях, в которых они чаще всего живут, они продолжают использовать диалект. На итальянском же говорят в школах, на работе или с приезжими.

Учитывая такое положение дел, возникает вопрос: можем ли мы называть единой страну, в которой на национальном языке большинство населения говорит только несколько десятков лет? Возможно, да, если в качестве критерия рассматривать только язык. Но есть и другие факторы.

Чтобы перейти к следующему из них, я приведу еще один пример из жизни, на этот раз из моего собственного опыта и произошедший совсем недавно — прошлым летом. Мой отпуск пришелся на конец июля — начало августа. Сначала я поехал в Валле д'Аоста, область Италии, расположенную на самом северо-западе страны, а потом в Саленто, на самый кончик каблука «итальянского сапога». Эти места находятся на расстоянии примерно 1000 км друг от друга. Применительно к России это, в общем-то, пустяк: на автомобиле это расстояние можно преодолеть за один день. Когда я выехал из Валле д'Аосты рано утром, температура была ниже нуля, и шел мелкий снег. Когда к вечеру я прибыл в Саленто, было +33, и пляжи были заполнены людьми, которые искали спасения от жары в море. Во время этой поездки я пересек, по крайней мере, четыре или пять сильно различающихся климатических зон. Такое впечатляющее климатическое разнообразие, вкупе с чередованием геоморфологических признаков (горы, долины, холмы, лагуны, побережья озер и морей) разумеется, ведет также и к огромным различиям возделываемых культур и сельскохозяйственных обычаев. А это, в свою очередь, влечет различные привычки питания.

Когда итальянец едет за границу — во Францию, Англию, Германию или даже в Россию, и видит вывеску «Итальянский ресторан», он с трудом сдерживает улыбку, потому что знает: единой итальянской кухни не существует. Скажу более, есть, по меньшей мере, 20 разновидностей итальянской кухни, по числу историко-административных областей. Это, безусловно, не означает, что в Италии не существует блюд, распространенных на всей национальной территории. Пицца, к примеру, — одно из них, точно так же во всех регионах едят и пасту. Но видов пасты бесчисленное множество, учитывая и десятки ее разновидностей в каждом регионе. Способов приготовления и заправки также не счесть — в этом отражаются привычки, вкусы и кулинарная изобретательность каждой семьи. Впрочем, как известно, гастрономическая культура зависит не только от

геоморфологических и климатических характеристик территории, но и от причин, которые мы можем определить как «политические».

Когда Джозеф Аддисон в начале XVIII в. говорил об огромном разнообразии государств, существовавших на Итальянском полуострове, он подразумевал и то, что каждое из них имело собственные таможенные барьеры. Это означало, что продовольственные товары, произведенные в этих мини-государствах, потреблялись исключительно на их территории. Если к этому прибавить еще и нехватку дорог и проблемы с транспортом (наряду с геоморфологическими и климатическими различиями), то легко понять, почему стало возможным развитие в Италии десятков областных и провинциальных кулинарных традиций. Если бы раздробленность страны существовала относительно недолго, лишь на протяжении XVIII в., то гастрономическое разнообразие не могло бы достичь такого уровня. Но территориальное и политическое разделение Италии уходит корнями почти на тысячу лет в прошлое.

Чтобы объяснить, как и почему возник этот феномен, понадобилось бы провести исторический анализ, который охватывал бы очень длительный период и, следовательно, потребовал бы слишком много времени. Я же должен изложить эту проблему весьма кратко и заранее прошу извинить меня за упрощения, к которым вынужден буду прибегнуть в этой связи. Я не буду, к примеру, говорить о так называемых варварских нашествиях, на протяжении веков способствовавших разрушению единства Итальянского полуострова, которое было достигнуто в эпоху правления Рима. Я затрону только последнее из этих нашествий — нашествие лангобардов, с которым непосредственно связано последующее разделение Италии.

Лангобарды обосновались на полуострове между VII и VIII вв. н. э. Они захватили обширные территории в разных частях страны вплоть до самого Юга, исключая острова, и сделали столицей своего государства Павию. В отличие от франков во Франции, лангобарды, сами разделенные на многочисленные герцогства, так и не смогли создать по-настоящему единое и прочное государство. Их герцогства представляли собой полувисимые анклавы. Как известно, господство лангобардов закончилось с наступлением франков под предводительством Карла Великого, но и у Каролингской империи не было ни возможностей, ни желания, ни заинтересованности в установлении на Итальянском полуострове единой государственности.

С наступлением XI в., т. е. второго тысячелетия, Итальянский полуостров оказался раздроблен как никогда более. В Италии не было настоящей центральной власти. Само по себе это разделение не вело ни к чему новому по сравнению с тем, что происходило в предыдущие века, однако много нового происходило в Европе и на Средиземноморье. Действительно, конец первого тысячелетия ознаменовал собой конец варварских вторжений. Последним народом, нападению которого подверглась Европа, в том числе, и Север Италии, были мадьяры. Впрочем, в X в. они обосновались в нынешней венгерской долине и стали «более традиционными», обратившись в христианство. Кроме того, серия политических кризисов в различных арабских государствах Северной Африки освободила Средиземноморье от грозного сарацинского флота.

Италия, таким образом, находилась в следующей ситуации: опасности вторжения с Севера больше не было; опасности вторжения пиратов с моря тоже практически не наблюдалось; не существовало централизованной власти, способной управлять раздробленной территорией. Эта ситуация относительного спокойствия и отсутствия «хозяев» имела некоторые существенные последствия в экономическом и социальном плане. Причем речь идет о таких последствиях, которые, как я полагаю, напрямую связаны с возникновением того, что в современном мире называется Западом. Прежде всего, начался расцвет сельского хозяйства, не подверженного более разграблениям, учиняемым войсками захватчиков. В деревнях жизнь стала более спокойной и, как следствие, более богатой, а знать и землевладельцы, которые веками искали убежища в своих неприступных замках, перебрались в город, где жизнь была комфортнее, а доходы от их сельскохозяйственных владений было на что потратить.

Таким образом, города стали процветать, а возрастающая стабильность коммуникаций повлекла за собой развитие торговли — сначала робкое, а затем все более решительное. Города стали местом наиболее активного развития экономики: там можно было найти работу и даже сколотить себе состояние. Тогда же начали процветать морские республики и итальянские коммуны. В отсутствие по-настоящему сильной верховной власти, способной управлять, контролировать и подчинять своей воле, города стали развиваться «сами по себе». Они создали собственные правительства, собственные армии и, самое главное, стали проявлять собственную экономическую активность уже не в сельском хозяйстве, как это было всегда, а в промышленном производстве (зачастую текстильном) и в торговле.

Это был эпохальный переворот. Впервые в истории Европы (а может, и в мировой истории) власть оказалась сосредоточена не у тех, кто владел землей, а у тех, кто производил товары и продавал их. Речь шла, таким образом, о зачатках капитализма, который, хорошо это или плохо, привел к тому миру, который мы имеем сегодня. И если это можно было назвать протокапитализмом, то был он, как не трудно представить, «диким». Каждый город был готов меряться силами со своими соседями, даже с оружием в руках. И не только с соседями: экономические и политические интересы способствовали тому, что и внутри самого города возникали группировки, которые вели друг с другом борьбу, нередко переходящую в жестокую войну. Башни, которые были построены в первые века второго тысячелетия и которые до сих пор можно увидеть во многих итальянских городах, были демонстрацией богатства и власти построивших их семей; но прежде всего башни служили защитой от потенциальных вооруженных нападений со стороны враждебных группировок.

Коммуна стала местом, где дух свободы, дух предпринимательства и авантюры сосуществовал с духом принадлежности к той или иной группировке, сопровождавшимся непримиримой ненавистью и насилием. Таким образом, в первые века второго тысячелетия итальянские коммуны находились в бесконечном волнении и были примером такого социально-го непостоянства, которого еще не видел мир.

До этого времени богатство напрямую зависело от владения землей, что было прерогативой знати. Поэтому только представители знати имели право управлять. В коммунах же богатство, а, следовательно, и власть были, напротив, связаны с протопромышленной деятельностью и торговлей. Тот, кто становился богатым, превращался во власть имущего и получал доступ в правящие круги. Причем достичь этого мог любой или практически любой человек, имеющий соответствующие способности.

Пока между группировками шли сражения и победы сменялись поражениями, система, которую мы можем назвать «коммунальной», продолжала существовать, сохраняя, хоть и в постоянной борьбе, свою жизнеспособность. Проблемы возникали, когда эта череда побед и поражений заканчивалась, т. е. когда одна из группировок становилась настолько сильной, что утверждала свое господство над другими, не давая им никакой возможности дать отпор, или когда один город захватывал другой и останавливал в нем всю деятельность, как это случилось, когда Генуя завоевала Пизу. Появление синьорий (поскольку речь идет именно о них)

вело к образованию маленьких государств, власть в которых полностью сохранялась за одной из группировок, часто представленной одной семьей, как, например, Медичи во Флоренции. Группировка, которой удавалось захватить власть, управляла городом, в том числе и с экономической точки зрения, действуя в своих собственных интересах. Другими словами, конкуренции больше не существовало.

Еще одним последствием установления синьорий, которое следует принять во внимание, стало исчезновение одной из самых важных составляющих жизни коммуны — социальной мобильности. В ситуации господства одной семьи или группировки тот, кто не был ее частью, не имел ни малейшей возможности ни приблизиться к власти, ни продвигаться в экономическом плане. Таким образом, общество коммун и республик в Италии неизбежно превращалось в статичное.

Существует одна символичная дата, которая знаменует новый уклад вещей: это 1297 г. — год, когда в Венеции было принято решение о закрытии Большого совета. Эта мера повлекла за собой исключение из самого важного органа власти Республики (который избирал дожа) «новых богачей», вследствие чего политическое и экономическое управление Венецией полностью перешло в руки узкого круга людей, состоящего из представителей аристократических семей. С закрытием Большого совета власть в Венецианской республике стала фактически наследственной.

В учебниках истории мы привыкли читать, что конец экономического и торгового господства итальянских республик и коммун был спровоцирован турецкой экспансией на востоке Средиземноморья и открытием океанических путей. Считается, что именно эти факторы закрыли для Итальянского полуострова тот мир, который перед ним открывался. Отчасти это правда. Но только отчасти. В действительности же, итальянские республики и коммуны, хоть и имели техническую возможность самостоятельно управлять океаническими путями,³ этого не делали, потому что их правящий класс, к тому моменту уже олигархический, не был более на это способен и не имел ни стремления, ни интереса этим заниматься.

Именно упадок правящих классов привел Италию в XVIII веке к тому сценарию, который был описан Аддисоном: огромное количество мелких государств, управляемых, в большинстве случаев, слабой, неспособной

---

³ Как мы уже видели, именно генуэзские, флорентийские и венецианские моряки открыли эти пути.

править, ленивой, высокомерной аристократией, пользующейся при этом неограниченной властью.

Я полагаю, что вовсе не случайно смуты и волнения (в 1820–1821, 1831, 1848–1849 гг.), возникавшие на волне националистических идеалов, порожденных Французской революцией, и приведшие позже к объединению государств Итальянского полуострова, заявляли о себе именно на уровне городов. Рисорджименто начинается в Палермо, Неаполе, Турине, Генуе, Милане, Венеции, Риме, Флоренции, Ливорно, Брешии и многих других. Разумеется, ни одно из этих волнений не смогло бы в одиночку привести к объединению страны. Но без восстаний и баррикад в отдельно взятых городах никогда не создался бы тот политический климат и те условия, которые позже позволили семье Савойской династии и Пьемонту объединить полуостров. Остается только понять, что же представляло собой то объединенное государство, которое было создано в 1861 г. Мы уже обращались к словам Массимо Д'Адзельо, который сказал: «Италию мы создали, теперь будем создавать итальянцев». Однако и Италия, по правде говоря, вовсе не была еще создана. Пусть она и имела своего короля и единое правительство, но единство было фиктивным. Сегодня мы бы назвали его «виртуальным».

В этом едином государстве сосуществовало, как мы уже говорили, бесконечное множество языков, традиций, обычаев, нравов, экономик и даже моральных и религиозных ценностей. Тирренская и Адриатическая железные дороги, которые были построены в последние десятилетия XIX в., были призваны решить важнейшую задачу — создать, по крайней мере, единый рынок. Но на этом рынке всем заправляла влиятельная буржуазия Севера Италии (пьемонтская, лигурийская и ломбардская), а Юг был из него исключен и доведен практически до состояния колонии.

Проблема заключалась в том, что обширные территории на Юге страны не только были экономически очень отсталыми, но и управлялись укрепившимися на этой территории атавистическими структурами, не имеющими ничего общего с современным управлением государством. Я имею в виду те структуры, которые сегодня мы называем организованной преступностью, т. е. мафию, андрангету и каморру. Семья Савоя и пьемонтцы предпринимали робкие попытки повлиять на этот порядок вещей. Они посылали войска, чтобы те хотя бы усмирили бандитов. Но этим все и ограничилось. Установить государственную власть на Юге было долгой, сложной и дорогостоящей задачей, и новая центральная власть довольно быстро оставила эту идею.

Правительства Джованни Джолитти на рубеже XIX и XX вв. называли «правительствами уголовных элементов» из-за того, что этот пьемонтский государственный деятель подписал нечистоплотный договор с преступными властями Юга: те гарантировали поддержку его власти, а государство в обмен на это не особо вникало в их дела. Это темное и подпольное покровительство национальной политики организованной преступности Юга до сих пор не исчерпано и периодически становится предметом скандальных новостей. Даже Муссолини, со всей своей националистической и унитарной самонадеянностью, довольно быстро оставил идею борьбы с мафией.

Фашизм... Даже на протяжении 20-летней диктатуры Италия не сделала уверенных шагов к единству, которое было бы менее виртуальным. Столь превозносившееся величие Древнего Рима, за наследника которого выдавал себя фашистский режим, должно было стать скрепляющим элементом для единства итальянцев, но в действительности использовалось как ширма для прикрытия истинного положения дел в стране «святых, мореплавателей и героев», где не только не было свободы, но и продолжали царствовать отсталость и невежество.

Если бы я был мудр, мои рассуждения на этом бы и закончились. Загнать актуальные темы всегда рискованно, потому что это дает повод для полемики. Но, не будучи наделен большой мудростью, я продолжу излагать свое видение Италии до наших дней. И я даже погрешу против истории и проведу некоторые параллели между разными эпохами. Я попробую описать современную Италию, пользуясь суждениями, высказанными мной до этого, и представив, что последние полвека итальянской истории — это нечто вроде сокращенного изложения ее тысячелетней истории. И начну я с того времени, когда в 1945 г. в Европе затихли, наконец, залпы орудий.

Когда закончилась Вторая мировая война, унеся с собой и фашистский режим, Италия являлась бедной страной, по большей части крестьянской и отсталой. Ее промышленности, и без того не особо развитой, был нанесен огромный ущерб во время войны. Будущее Италии, как можно догадаться, представлялось довольно плачевным. Но вместо этого уже три десятилетия спустя Италия стала одной из самых индустриально развитых держав в мире.

Как это могло произойти? Тогда это небывалое развитие страны определяли как «экономическое чудо», в действительности же никакого чуда не было — удивительной была лишь скорость, с которой происходили

перемены. Когда Италия вышла из войны, она столкнулась со множеством проблем, уже перечисленных выше, но ее ситуация была не лишена и некоторых благоприятных факторов. Первый из них касался правящего класса страны. Изгнав ставленников режима Муссолини, парламент пополнился новыми людьми, по большей части молодыми и сформировавшимися в антифашистской борьбе. Этот новый правящий класс, который написал Конституцию республики, был уверен в своих силах и преисполнен желания превратить Италию в современную страну.

В своем распоряжении он имел (и это было вторым благоприятным фактором, которым располагала Италия) огромные средства, которые были получены по плану Маршалла.

Третьим позитивным моментом, возможно, в меньшей степени поддающимся измерению, но не менее решающим, было отношение к происходящему большинства итальянцев. Упоенные духом свободы, сопровождавшим падение фашистского режима, они были охвачены своеобразной «эйфорией подъема»: начиналась новая эпоха, и все становилось возможным. Эта атмосфера, это положение дел очень напоминают (хотя исторические параллели, конечно же, всегда очень рискованны) ситуацию, которая имела место в итальянских коммунах в начале второго тысячелетия: свободная конкуренция, свобода предпринимательства и социальная мобильность.

В политическом плане таким рывком мы обязаны Партии христианских демократов, пользовавшейся наибольшей популярностью у населения. Несмотря ни на что, сегодня нужно отдать должное руководителям партии того времени: они смогли коренным образом преобразовать страну. И это несмотря на явные ошибки и издержки. Чтобы объяснить, как им это удалось, нужно сделать небольшое отступление. Прежде всего, нужно сказать, что Партия христианских демократов была очень своеобразной. Имея абсолютное большинство мест в парламенте, она, тем не менее, внутри себя была крайне неоднородной. Более того, она содержала множество ответвлений — как политических, этических, социальных, так и географических. Под эмблемой щита с крестом, символом партии, существовали, пусть и не всегда мирно, левые социал-демократы, левые, центровики (в свою очередь разделенные на несколько течений), правые и крайне правые. Лидерами христианских демократов становились почти всегда представители какого-либо из регионов или провинций, то есть представитель той территории, где жил электорат, который и выбрал его

в Парламент. Другими словами, лидеры партии отражали то историческое пережиточное деление, которое сохранялось в Италии со времен коммун. Каждый из этих лидеров старался любыми способами, иногда с нелепыми результатами, поддержать собственный город или провинцию, из которой он был родом.

Эти и другие разделения вели к беспорядочной и частой смене альянсов, которая, в свою очередь, способствовала частому изменению состава правительства. На протяжении «золотого века» Партии христианских демократов очень редко одно правительство задерживалось у власти более чем на шесть месяцев. За границей, особенно в странах, где единство государства было достигнуто еще несколько столетий назад, не могли понять, как выживает и, более того, развивается нация, у которой практически нет правительства.

В действительности же, Италия при христианских демократах имела много схожего с Италией эпохи коммун. А именно, как мы уже видели — отсутствие сильной централизованной власти, конкуренция (и ожесточенная) между регионами, свобода и возможности для предпринимательства. Настоящим чудом было то, что самые просвещенные лидеры партии смогли в условиях объективно существовавшей раздробленности успешно проводить политико-экономические преобразования, по-настоящему ориентированные на объединенное государство. Так, с экономической точки зрения исключительный рост Италии был обязан как крупным частным предприятиям, которым помогало государство (примером может служить ФИАТ), так и крупным государственным предприятиям (яркий пример — *Eni* — Государственное нефтепромышленное объединение), но также и множеству средних и малых предприятий, которые являются самым непосредственным выражением инициативы, фантазии и ума итальянского народа. Именно связи между частными предпринимателями и государством послужили трамплином для роста Италии. Италия продолжала расти, пока существовала эта «аномальная» политическая система, представленная Партией христианских демократов.

Система начала переживать кризис в 70-е годы, когда партия больше не имела большинства мест в парламенте и должна была считаться со всем тем множеством партий, которые необходимы для формирования правительства. 70-е и 80-е годы итальянцы вспоминают как период, отмеченный ростом политической коррупции. Многие из партий, представленных в Парламенте, и правда стали вести себя подобно группировкам эпохи

коммун. Они боролись друг с другом, прибегая для этого к самым разным средствам. Их целью было не развитие страны, а собственный рост. Для достижения этой цели, то есть для усиления собственной власти, им нужны были деньги, и они были готовы на все, чтобы достать их. Поэтому некоторые партии принялись требовать денег у предприятий, что не слишком отличалось от методов организованной преступности.

Разумеется, такая система не могла просуществовать долго, и, когда это позволил международный сценарий, а именно с концом биполярного мира, все тайное стало явным. Судебное ведомство, к счастью, все еще независимое, предприняло меры для ее окончательного устранения. Одна эпоха закончилась, расчистив путь для другой. Многие итальянцы искренне верили, что виной всех несчастий, постигших полуостров, была политическая раздробленность. Надо покончить с правительствами, которые связаны по рукам и ногам препирательствами составляющих их мелких партий, говорили они. Настал, наконец, час сильных правительств.

Так Италия вошла в новую эпоху синьорий. Или, правильнее сказать, одной синьории. Уже около 20 лет в Италии существует относительно стабильное правительство — столь же стабильное, как и рост в стране. Жаль только, что рост этот практически равен нулю. Причин такого застоя много, но мне кажется, что самая важная из них — это как раз тот факт, что страной правит одна синьория, неважно — левая или правая. Синьории конца XV века управляли коммунами и сопредельными территориями в собственных интересах, а не в интересах граждан. Боюсь, что нечто подобное случилось и в современной Италии, и это является главной причиной упадка, в котором находится наша страна.

Все заставляет думать о том, что современная эпоха синьорий, внесшая свою лепту в международный экономический кризис, подходит к завершению. Картина сегодняшней Италии, где власть предоставлена самой себе, очень типична для империй на стадии тотального упадка, близких к распаду. Говоря об этом, я имею в виду не столько поведение некоторых политических лидеров, сколько те парадоксальные меры, к которым правительство вынуждено прибегать, чтобы выжить.

За пределами Италии никто не может понять, как возможно, чтобы определяющей силой в правительстве страны было сепаратистское движение, которое считает себя врагом Италии и открытым текстом заявляет, что хочет отделиться от нее.

Признаюсь, я и сам этого не понимаю.

Не знаю, что последует за этой сегодняшней эрой синьорий. Я надеюсь, что Италии не придется переживать долгий период упадка, как это произошло в века, следовавшие за эпохой коммун.

Ни у кого нет готового безошибочного рецепта того, как избежать этой опасности. Очевидно лишь то, что дорога к выходу из этой ситуации не совпадает с дорогой единства страны, если под ним мы понимаем подчинение единому стандарту. Единство, безусловно, необходимое, не должно нивелировать локальные и индивидуальные различия жителей страны. Оно не должно навязывать всем один тип пасты, не должно душить фантазию, оригинальность и предприимчивость, которые составляют самое важное достояние итальянского народа. Всегда, когда жителям итальянского полуострова предоставлялась возможность выразить эти свои качества, они не переставали удивлять своими достижениями. Я надеюсь, так будет и впредь.

Silvano Costanzo

L'unità virtuale. Lo strano destino di un popolo di santi, navigatori ed eroi

Perché, a 150 anni dalla nascita dell'Italia, gli italiani continuano a sentirsi divisi e perché questo sentimento di divisione risulta essere sia la loro debolezza, sia la loro forza.

Con questo mio lavoro intendo spiegare perché, a mio parere, l'Italia non è ancora unita e, perché, forse, non lo sarà mai. O, almeno, intendo spiegare perché l'Italia non avrà probabilmente mai quel tipo di unità che caratterizza, ad esempio, Paesi come la Francia o l'Austria. Nutro inoltre seri dubbi che un simile tipo di unità si addica, e possa dunque essere proficuo, per l'Italia.

Non essendo né un cattedratico né uno storico di professione, mi avvarrò, per sostenere queste mie tesi, delle libertà che mi sono concesse dal mio ruolo di giornalista e di artista. Spazierò dunque liberamente in vari campi che riguardano la linguistica, la storia, la geografia, la bio-diversità, l'economia, la psicologia, la politica. E perfino la cucina.

Farò uso di aneddoti anche personali per introdurre alcuni di questi argomenti; mi concederò inoltre la libertà di scorrazzare attraverso i secoli, perché ritengo che l'oggi abbia spesso radici molto antiche e che, per capire chi siamo, sia necessario scoprire chi siamo stati.

Comincerò dando conto di alcuni pareri esterni riguardo all'Italia; pareri esterni e anche parecchio lontani nel tempo, perché essi risalgono al Settecento, cioè al periodo in cui ebbe la sua massima espressione quel fenomeno turistico-culturale che conosciamo con il nome di Grand Tour.

Il Grand Tour era il viaggio che i rampolli dell'aristocrazia europea compivano in vari Paesi e che aveva come punto di arrivo obbligato la penisola italiana. Quando questi visitatori tornavano nei loro Paesi, molto spesso davano alle stampe i resoconti di quei loro viaggi. Il più noto di questi resoconti è, senza ombra di dubbio, il diario di Goethe, ma, nel Settecento, erano soprattutto gli inglesi a praticare il Grand Tour.

La maggior parte dei loro resoconti di viaggio è un coacervo di luoghi comuni quando non addirittura di autentiche stupidaggini. In alcuni casi, però, questi viaggiatori inglesi erano personaggi tutt'altro che banali e dai loro diari si possono dunque trarre, ancora oggi, alcune indicazioni interessanti. Qui, ne citerò due.

Joseph Addison, poeta, scrittore, giornalista, uomo di Stato, visitò l'Italia nei primissimi anni del Settecento e, tra le sue annotazioni, si può leggere anche la seguente: *“Nessun altro paese al mondo conta una tale varietà di governi, i quali adottano costituzioni estremamente diverse ed originali”*.¹

John Sismond, invece, visitò l'Italia nella seconda metà del Settecento. Era un professore di Storia dell'università di Cambridge, ma era anche un esperto di agronomia. Le sue ricerche in questo campo incontrarono parecchie difficoltà, perché Sismond, che pure parlava e scriveva bene l'italiano, non riusciva a comunicare in modo soddisfacente con gli agricoltori. *“I dialetti in Italia — si lamentava — variano addirittura da villaggio a villaggio”*.²

Queste citazioni riguardano rispettivamente la politica e la lingua e mi forniscono lo spunto per elaborare alcune considerazioni.

Comincerò trattando della lingua, e lo farò, come ho preannunciato, servendomi di un aneddoto di carattere familiare.

Circa trent'anni fa, una vecchia zia di mia moglie, nata e sempre vissuta nella Puglia, cioè in una delle regioni del Sud Italia, venne in Piemonte, cioè in una delle regioni del Nord Italia, dove io e mia moglie abitavamo. Durante questo viaggio, quella vecchia zia andò a trovare mia madre, che di lei era quasi coetanea. Io le conoscevo entrambe come donne molto ciarliere e mi stupii alquanto quando le vidi sedute una di fronte all'altra, in silenzio. Chiesi loro cosa stesse succedendo, come mai fossero così taciturne. “Abbiamo provato a parlare — dissero — ma non ci capiamo”. La vecchia zia, infatti, parlava solo il dialetto pugliese e mia madre parlava solo quello piemontese. Erano lingue così diverse che, tra le due donne, non poteva esserci comunicazione. Entrambe capivano l'italiano, ma non erano in grado di parlarlo.

Ho detto che questo episodio si è verificato circa trent'anni fa. Dunque, 120 anni dopo l'unità d'Italia, un numero rilevante di italiani non parlava ancora una lingua comune.

Ma come era possibile? Anche a voler imputare gravi negligenze ai vari governi che si sono succeduti dopo il 1861 nell'applicare una politica unitaria, resta apparentemente inspiegabile come l'Italia potesse essere, ancora trent'anni fa, una babele di lingue e di dialetti.

In fondo l'italiano non è una lingua nata ieri, visto che Francesco d'Assisi, Jacopone da Todi e la scuola siciliana riguardano il XIII secolo e che la Divina

---

¹ Citato in Franco Venturi: *L'Italia fuori d'Italia // Storia d'Italia 6*. Einaudi-Il Sole 24 Ore, 2005. P. 1013.

² Ibid. P. 1111.

Commedia è del mille e trecento. Come si spiega allora che una lingua così antica non sia stata parlata, per vari secoli, proprio nel paese nel quale era nata?

Volendo metterla in burla, si potrebbe dare la colpa proprio a Dante. La Divina Commedia, infatti, è l'espressione di una lingua matura, come se fosse nata già grande. In realtà, era Dante ad essere grande. La sua Commedia era l'espressione poetica e geniale dell'intero retaggio della cultura di Roma e del Medio Evo. Quando venne scritta, la Commedia era ad un livello così alto che solo un numero relativamente piccolo di persone colte era in grado di capirla e di apprezzarla. E questo avveniva perfino tra coloro che usavano quotidianamente il volgare fiorentino.

La grandezza della lingua italiana, dunque, nasce con Dante, ma essa riguarda solo una piccola élite degli abitanti della penisola italiana. La forza della Divina Commedia è tale che, ben presto, grazie anche a Petrarca e Boccaccio, il volgare fiorentino diventò la lingua dominante presso gli esponenti delle classi colte italiane. Essi la usavano come lingua franca per comunicare tra di loro, sostituendola via via al latino. Ma la maggior parte degli abitanti dell'Italia utilizzava le lingue volgari locali che si erano andate sviluppando e moltiplicando nel corso dei secoli.

Si calcola che al momento dell'unità d'Italia, cioè nel 1861, solo meno del cinque per cento degli abitanti della penisola parlasse l'italiano.

Quando Massimo d'Azeglio (se si vuole dar retta all'agiografia che lo riguarda) disse *"abbiamo fatto l'Italia, adesso dobbiamo fare gli italiani"*, si riferiva anche e soprattutto all'uso della lingua.

Del problema della mancanza di una vera lingua nazionale usata da tutti, era dunque ben conscio già il primo governo unitario. Purtroppo, gli strumenti di cui disponeva per cambiare questo stato di cose erano assolutamente limitati e si riducevano, di fatto, a due.

Il primo, com'è ovvio, era la scuola. Peccato che la maggioranza degli italiani, a scuola, non ci andasse. Il tasso di analfabetismo, soprattutto nelle regioni del Sud, riguardava infatti la stragrande maggioranza della popolazione.

Il secondo strumento di cui disponevano i governi post unitari per cominciare ad integrare delle popolazioni secolarmente divise era quello della leva militare. La ferma dei coscritti si svolgeva di norma in regioni diverse da quelle nelle quali i soldati erano nati. Nelle caserme essi si trovavano fianco a fianco con persone che parlavano dialetti diversi e l'uso dell'italiano diventava indispensabile per comunicare sia con i commilitoni sia con gli abitanti delle regioni che li ospitavano. Quello che i coscritti imparavano, però, era solo un rozzo e limitato

“italiano da caserma”. La popolazione femminile, inoltre, era del tutto esclusa anche da questa pur limitata opportunità di apprendere la lingua nazionale.

Neppure il tanto sbandierato impegno unitario del fascismo e il diffondersi di uno strumento potenzialmente “unificante”, e cioè la radio, furono davvero in grado di incidere su questo stato di cose. Sempre più persone, è vero, capivano l’italiano, ma la maggioranza della popolazione continuava a non essere in grado di parlarlo. Almeno non in modo sufficiente per esprimere concetti appena appena complessi.

Solo nel secondo dopoguerra, cioè a metà del Novecento, la situazione cominciò davvero a cambiare, almeno per le nuove generazioni che ebbero l’opportunità di frequentare la scuola cosiddetta “dell’obbligo”, perché era imposta dalla legge. A migliorare la diffusione e l’uso della lingua nazionale contribuì poi enormemente, negli Anni Cinquanta e Sessanta del Novecento, la massiccia emigrazione delle popolazioni rurali del Sud che si trasferirono al Nord per lavorare nelle nascenti fabbriche. L’uso quotidiano della lingua italiana divenne quindi un requisito indispensabile non solo per poter lavorare, ma anche semplicemente per riuscire a fare la spesa. E’ stata comunque la televisione, negli ultimi decenni del Novecento, a trasformare l’italiano in una vera lingua nazionale.

Solo oggi, cioè all’inizio del terzo millennio, si può dunque davvero dire che, salvo alcune minoranze, gli italiani parlino italiano.

Se questo è vero, è però vera anche un’altra cosa e cioè che, nelle zone rurali sia del Nord sia del Sud, la maggioranza degli abitanti è in realtà bilingue. Nella pratica quotidiana, in famiglia e nel paesino in cui spesso vivono, essi continuano ad usare il dialetto. L’italiano è riservato alle comunicazioni a scuola, sul lavoro o con gli estranei.

Ciò detto, la domanda che dobbiamo porci è, io credo, la seguente: possiamo definire “unito” un Paese nel quale la lingua nazionale è parlata dalla maggioranza della popolazione solo da un paio di decenni? Forse sì, se il metro di misura dell’unità fosse solo quello della lingua. Ma esistono anche altri metri.

Per introdurre il prossimo, ricorrerò ad un altro aneddoto, questa volta strettamente personale e molto vicino nel tempo perché riguarda un fatto che si è verificato questa estate.

Le mie vacanze si sono svolte tra luglio ed agosto. Sono andato dapprima in Valle d’Aosta, cioè nella regione italiana più nord-occidentale, e poi nel Salento, cioè nella punta del tacco dello Stivale. Le due località distano tra di loro circa un migliaio di chilometri. Rispetto alle distanze russe, dunque, sono quasi un’inezia. In automobile, infatti, sono raggiungibili in giornata. Quando sono partito dalla

Valle d'Aosta, al mattino presto, la temperatura era sotto lo zero e nevischiava. Quando sono giunto nel Salento, nel pomeriggio inoltrato, la temperatura era di 33 gradi e le spiagge erano affollate di persone che cercavano di rinfrescarsi in mare.

Durante il viaggio ho attraversato almeno quattro o cinque zone climatiche molto differenti tra di loro.

Questa estrema diversità climatica, unita all'alternarsi di una significativa diversità e alternanza morfologica (montagna, pianura, collina, laguna, costa lacustre o marittima) comporta ovviamente anche una estrema diversità di colture per quanto riguarda l'ambito agricolo. A sua volta, una diversità di colture comporta una diversità di abitudini alimentari. Quando un italiano va all'estero, in Francia, in Inghilterra, in Germania o anche in Russia e vede un'insegna con la scritta "ristorante italiano", trattiene a stento un sorriso perché sa che non esiste una cucina italiana. Ne esistono, a dir poco, almeno una ventina, cioè quante sono le regioni storico-amministrative.

Questo non significa, è ovvio, che in Italia non esistano dei piatti diffusi su tutto il territorio nazionale. La pizza, ad esempio, è uno di questi e, allo stesso modo, la pasta viene consumata in tutte le regioni. Ma i formati della pasta sono praticamente innumerevoli, comprendendo decine di varianti anche sostanziali in ciascuna regione. I modi di cucinarla e di condirla, poi, sono infiniti, e riguardano addirittura le abitudini, i gusti e l'inventiva di ogni singola famiglia.

Noi sappiamo, tuttavia, che la cultura alimentare dipende non solo dalle caratteristiche morfologiche e climatiche di un territorio, ma anche da ragioni che potremmo definire come "politiche".

Quando Joseph Addison, all'inizio del Settecento, parla dell'estrema varietà degli Stati e degli Staterelli esistenti nella penisola italica, dà per inteso che ciascuno di essi fosse dotato di proprie barriere doganali. Il che significava che le derrate alimentari prodotte in ciascuno di questi Staterelli venivano consumate essenzialmente in loco. Se a ciò si aggiungono anche la penuria di strade e le difficoltà nei trasporti (unite appunto alle diversità morfologiche e climatiche) è facile comprendere come sia stato possibile lo svilupparsi in Italia di decine e decine di cucine regionali e provinciali. Se il frazionamento statale fosse stato di breve durata, cioè se avesse riguardato solo il Settecento, la variabilità alimentare non avrebbe potuto svilupparsi in modo così accentuato. Ma, in Italia, il frazionamento territoriale e politico risaliva quasi a un millennio prima.

Spiegare il come e i perché del verificarsi di questo fenomeno, comporta un'analisi storica che abbraccia un periodo molto lungo e che, quindi,

richiederebbe troppo tempo. Cercherò quindi di sintetizzare il più possibile, chiedendo anticipatamente scusa per le semplificazioni alle quali dovrò fatalmente ricorrere.

Mi esimerò, ad esempio, dal parlare delle cosiddette invasioni barbariche che per secoli hanno contribuito a mandare in frantumi l'unità della penisola italiana che era stata raggiunta con Roma. Parlerò solo dell'ultima di queste invasioni, quella dei Longobardi, la quale ha molto a che fare con la frammentazione successiva dell'Italia.

I Longobardi si installarono nella penisola tra il VII e l'VIII secolo dopo Cristo. Avevano la loro capitale a Pavia e una diffusione territoriale, che oggi definiremmo "a macchia di leopardo", che giungeva fino al Sud, isole escluse. A differenza di quanto fecero i Franchi in Francia, i Longobardi non riuscirono mai a costituire uno Stato davvero organico e solido perché la loro struttura di comando era divisa in ducati, cioè in enclave semi-indipendenti. Com'è noto, il dominio dei Longobardi si sciolse sotto l'incalzare dei Franchi di Carlo Magno, ma neppure l'impero carolingio ebbe né la capacità, né il desiderio, né l'interesse di instaurare nella penisola italiana un governo davvero unitario.

All'avvento dell'XI secolo, cioè del secondo millennio, la penisola italiana era dunque, più che mai, un territorio estremamente frazionato. In Italia non esisteva cioè un vero potere centrale.

Di per sé, questo frazionamento non comportava nulla di nuovo rispetto a ciò che era avvenuto nei secoli precedenti. Le novità riguardavano, però, il contesto europeo e mediterraneo.

La fine del primo millennio, infatti, aveva segnato anche la fine delle invasioni barbariche. L'ultimo popolo che aveva messo a ferro e fuoco l'Europa, e anche il Nord Italia, era stato quello dei Magiari, che però, nel X secolo, si era installato nell'attuale pianura ungherese e si era "normalizzato" convertendosi al cristianesimo. Una serie di crisi politiche nei vari Stati arabi del Nord Africa aveva inoltre liberato il Mediterraneo dal predominio delle temibili flotte saracene.

L'Italia venne dunque a trovarsi nella seguente situazione: non c'erano più pericoli di invasione dal Nord; non c'erano quasi più pericoli di scorrerie di pirati sulle sue coste; non esisteva una entità centrale in grado di governare un territorio estremamente frazionato.

Questa situazione di relativa tranquillità e di mancanza di "padroni" ebbe alcune conseguenze rilevanti in campo economico e sociale. Conseguenze che hanno a che fare, io ritengo, addirittura con la nascita di quello che noi oggi chiamiamo Occidente.

Innanzitutto, ci fu un rifiorire della produzione agricola, non più sottoposta alle devastazioni normalmente compiute dagli eserciti invasori. Le campagne diventarono dunque più sicure e quindi più ricche e il ceto nobiliare e terriero, che per secoli aveva cercato rifugio nei castelli fortificati, si trasferì in città, dove la vita era più confortevole e dove potevano essere più facilmente spesi i proventi derivanti dalle loro proprietà agricole.

Le città, dunque, cominciarono a rifiorire e la relativa sicurezza che ora si registrava nelle vie di comunicazione consentì uno sviluppo del commercio dapprima timido, poi via via sempre più consistente. I contesti urbani diventarono quindi luoghi nei quali l'economia era in grande sviluppo: vi si potevano trovare posti di lavoro e, anche, opportunità di fare fortuna.

Fu in questo contesto che fiorirono le Repubbliche marinare e l'Italia dei Comuni. Senza una autorità superiore davvero forte in grado di dominarle, controllarle e asservirle, le città presero a "fare da sé". Organizzarono i propri governi e le proprie milizie e, soprattutto, organizzarono le proprie attività economiche incentrandole non più sull'ambito agricolo, come si era sempre fatto, ma sulla produzione di manufatti (molto spesso nel settore tessile) e sul commercio.

Fu una svolta epocale. Per la prima volta nella storia d'Europa (e forse del mondo) il potere non era più nelle mani di chi possedeva la terra, ma di chi produceva beni e li commerciava. Si trattava cioè dei prodromi di quel capitalismo che, nel bene e nel male, ha portato al mondo che conosciamo oggi.

E se di proto-capitalismo si trattava, esso era davvero, come è facile immaginare, "selvaggio". Ogni città era pronta a competere, anche con le armi, con quelle che le stavano vicino. Non solo: all'interno della stessa città, gli interessi economici e politici inducevano il sorgere di fazioni in feroce lotta tra di loro, senza esclusione di colpi. Le torri che furono costruite nei primi due-tre secoli del nuovo millennio, e che ancora oggi si vedono in molte città italiane, erano una dimostrazione di ricchezza e di potere da parte delle famiglie che le avevano fatte costruire, ma avevano anche e soprattutto una funzione di difesa rispetto agli eventuali attacchi armati da parte dei vicini delle fazioni avverse.

I Comuni diventarono luoghi nei quali coesistevano spirito di libertà, spirito d'impresa, spirito d'avventura, ma anche spirito di fazione portato agli estremi limiti, odi feroci e violenze. Nei primi secoli del nuovo millennio i Comuni italiani erano dunque in perpetuo subbuglio e furono il teatro di una mobilità sociale quale non si era mai vista prima al mondo. Fino ad allora, la ricchezza era data dal possesso della terra e questo possesso riguardava soprattutto le

classi nobiliari. Loro, e solo loro, avevano il diritto di governare. Nei Comuni la ricchezza, e quindi anche il potere, erano invece legati alle attività proto-industriali e al commercio. Chi si arricchiva, diventava potente e accedeva a cariche di governo. E tutti o quasi tutti potevano farlo, purché ne avessero le capacità.

Finché le fazioni si combatterono con un alternarsi di vittorie e di sconfitte, il sistema che potremmo definire “comunale”, continuò a funzionare mantenendo, pur se tra lotte e violenti contrasti, tutta la sua vitalità. I problemi sorsero quando questo alternarsi ebbe termine, cioè quando una delle fazioni divenne così forte da imporsi sulle altre senza possibilità di rivalsa. O quando una città si impose sulla concorrente soffocandone ogni attività, come successe con Genova su Pisa. Le signorie, perché di questo si trattava, comportavano di fatto l'esistenza di piccoli Stati nei quali il potere era totalmente detenuto da una fazione, spesso rappresentata da un'unica famiglia, come ad esempio i Medici a Firenze. La fazione che era riuscita a prevalere, governava la città, anche e soprattutto dal punto di vista economico, in funzione dei propri specifici interessi. In altre parole, non esisteva più concorrenza.

Un altro aspetto da tenere in considerazione, peraltro anche conseguente all'instaurarsi delle signorie, fu la fine di una delle componenti fondamentali della vitalità dei Comuni, e cioè la mobilità sociale. In un contesto dominato totalmente da un'unica famiglia o fazione, chi non faceva parte di quest'ultima non aveva nessuna possibilità né di accedere alle cariche di governo né di progredire sotto l'aspetto economico. La società dei Comuni e delle Repubbliche, dunque, tendeva fatalmente alla staticità.

C'è una data emblematica che segna in modo eclatante questo nuovo stato di cose, ed è il 1297, l'anno in cui a Venezia venne decisa la Serrata del Maggior Consiglio. Con quel provvedimento, che aveva come obiettivo l'esclusione dei “nuovi ricchi” dall'organo di governo più importante della Repubblica (quello che eleggeva il Doge), la gestione politica ed economica di Venezia passava totalmente nelle mani di un numero ristretto di famiglie aristocratiche. Con la Serrata del Maggior Consiglio, il potere nella Serenissima diventava di fatto ereditario.

Nei manuali di storia siamo soliti leggere che la fine del predominio economico-mercantile delle Repubbliche e dei Comuni italiani fu causato dall'espansione turca nel Mediterraneo orientale e dalla scoperta delle rotte oceaniche. Furono questi, si dice, i fattori che esclusero la penisola italiana dal mondo nuovo che si stava aprendo. Il che è in parte vero. Ma solo in parte.

In realtà le Repubbliche e i Comuni italiani, pur avendo le capacità tecniche per gestire in prima persona le rotte oceaniche, non lo fecero perché le loro classi dirigenti ormai oligarchiche non avevano più né la capacità, né il desiderio, né la volontà, né l'interesse di farlo.

Fu il declino di queste classi dirigenti a condurre l'Italia in quello scenario settecentesco descritto da Addison: e cioè un coacervo di Staterelli governati, nella maggior parte dei casi, da una aristocrazia imbellè, incapace, pigra, presuntuosa e autocratica.

Non credo sia un caso che i moti e i prodromi (nel 1820–21, nel 1831, nel 1848–49) che, sull'onda degli ideali nazionalistici suscitati dalla Rivoluzione Francese, portarono poi all'unione degli Stati della penisola, abbiano avuto come protagoniste, ancora una volta, le città. Quello che noi oggi chiamiamo "Risorgimento" incomincia a Palermo, Napoli, Torino, Genova, Milano, Venezia, Roma, Firenze, Livorno, Brescia e in una infinità di altri comuni. Che nessuno di questi moti potesse, da solo, portare all'unificazione, è nell'ordine delle cose. Ma senza le sollevazioni e le barricate nelle singole città, non si sarebbero mai creati il clima e le condizioni politiche che portarono poi i Savoia e il Piemonte ad unificare la penisola. Resta da capire che cosa fosse, in realtà, lo Stato unitario che ufficialmente nacque nel 1861.

Abbiamo già visto che, secondo l'agiografia, Massimo d'Azeglio disse: *"Abbiamo fatto l'Italia, ora bisogna fare gli Italiani"*. Ma l'Italia, a dire il vero, non era per nulla fatta. Essa aveva sì un unico re e un unico governo, ma la sua unità era fittizia. Oggi diremmo che era una unità "virtuale".

In essa coesistevano, come abbiamo già detto, una varietà quasi infinita di lingue, tradizioni, usi, costumi, economie e perfino valori morali e religiosi. Le linee ferroviarie tirreniche e adriatiche che vennero costruite negli ultimi decenni dell'Ottocento, avevano come funzione principale quella di creare, almeno, un mercato unitario. Ma di questo mercato si impadronì la grande borghesia del Nord (Piemontese, Ligure e Lombarda) e il Sud ne fu escluso, quasi ridotto a propaggine, per alcuni versi, coloniale.

Il problema era che ampie zone del Meridione non solo erano economicamente molto arretrate, ma che esse erano di fatto governate da entità ataviche, molto radicate nel territorio, che nulla avevano a che fare con una gestione moderna dello Stato. Mi riferisco qui a quelle strutture che oggi definiamo come criminalità organizzata, e cioè mafia, 'ndrangheta e camorra. I Savoia e i piemontesi fecero timidi tentativi per combattere questo stato di cose. Mandarono l'esercito per cercare di debellare, almeno, il brigantaggio. Ma non fecero molto di più. Portare

davvero lo Stato al Sud era un compito lungo, difficile e costoso e il nuovo potere centrale vi rinunciò abbastanza in fretta.

I governi di Giovanni Giolitti, a cavallo tra l'Ottocento e in Novecento, furono definiti "governi della malavita" perché lo statista piemontese strinse di fatto un patto perverso con i poteri malavitosi del Sud. Questi ultimi appoggiavano i suoi governi e, in cambio, lo Stato non interferiva troppo nei loro affari.

Questa connivenza oscura e sotterranea tra politica nazionale e malavita organizzata del Sud, non è mai davvero finita e desta scandalo ancora oggi. Perfino Mussolini, con tutta la sua prosopopea nazionalista e unitaria, rinunciò ben presto a combattere le mafie.

Ecco, il fascismo. Neppure durante quel ventennio di dittatura, l'Italia fece veri passi avanti verso un'unità che fosse qualcosa di più che "virtuale".

Le tanto sbandierate grandezze del passato di Roma, delle quali il regime fascista si spacciava per erede, avrebbero dovuto essere un collante per l'unità degli italiani, ma in realtà furono solo i veli che servirono a coprire lo stato di fatto di un Paese di "santi, navigatori ed eroi", che era però privato della libertà e nel quale continuavano a regnare l'arretratezza e l'ignoranza.

Se io fossi saggio, questo mio intervento dovrebbe concludersi qui. Affrontare i temi attuali, infatti, comporta sempre dei rischi perché si dà adito, fatalmente, al sorgere di polemiche.

Essendo io poco saggio, continuerò a raccontare la mia visione dell'Italia giungendo fino ai nostri giorni. E lo farò, inoltre, usando un artificio storicamente scorretto, cioè facendo dei paragoni tra epoche diverse. Proverò dunque a descrivere l'Italia contemporanea servendomi dei concetti che ho usato finora, fingendo che l'ultimo mezzo secolo della storia italiana sia una sorta di compendio della sua storia millenaria. Lo farò cominciando dagli anni in cui, nel 1945, le armi finalmente tacquero in Europa.

Quando la seconda guerra mondiale finì, trascinando con sé anche il regime fascista, l'Italia era un Paese povero, prevalentemente contadino e arretrato. Le sue industrie, già non particolarmente sviluppate, avevano subito danni ingentissimi durante il conflitto. Il futuro dell'Italia si presentava, dunque, fosco. Invece, appena tre decenni dopo, l'Italia era già diventata una delle più importanti nazioni industrializzate del mondo.

Come fu possibile? Allora quello sviluppo venne definito come il "miracolo economico", ma in realtà esso non ebbe nulla di miracoloso se non la rapidità con la quale venne realizzato.

L'Italia che usciva dalla guerra, aveva sì i problemi che sono stati appena elencati, ma aveva anche alcune ottime carte a suo favore. La prima, riguardava

la sua classe dirigente. Spazzati via i gerarchi del regime mussoliniano, in Parlamento arrivarono uomini nuovi, molti dei quali erano relativamente giovani, e che in gran parte si erano forgiati nella lotta antifascista. Questa nuova classe dirigente, che scrisse la Costituzione repubblicana, era animata dal desiderio e dalla convinzione di poter trasformare l'Italia in un Paese moderno.

A sua disposizione aveva (e questa era la seconda carta di cui disponeva l'Italia) gli ingentissimi fondi messi a disposizione dal piano Marshall.

La terza carta, forse meno "misurabile", ma altrettanto decisiva, fu l'atteggiamento della maggioranza degli italiani. Essi, contagiati dal clima di libertà conseguente alla caduta del regime fascista, furono presi da una sorta di "euforia della crescita": era cominciata una stagione nuova, e tutto diventava possibile. Questo comportò una mobilità sociale che ringiovanì e rinsanguò una classe dirigente tradizionalmente ristretta.

Questo clima, questo stato di cose, ricordano (anche se i paragoni storici sono sempre rischiosi) la situazione che abbiamo visto essere presente nei Comuni italiani di inizio millennio. Un clima di libera concorrenza, di libertà di impresa e di mobilità sociale.

Da un punto di vista istituzionale, questa grande spinta dal basso venne governata dalla Democrazia Cristiana, cioè dal partito che risultò essere maggioritario nel Paese.

Pur con tutti i distinguo del caso, oggi si deve dare atto agli antichi dirigenti di quel partito, di aver saputo trasformare, rivoluzionare il Paese. E ciò, nonostante palesi errori e distorsioni. Spiegare come riuscirono a farlo, comporta un breve inciso.

Innanzitutto bisogna dire che la Democrazia Cristiana era assolutamente un partito sui generis. Pur avendo una larga maggioranza in Parlamento, al suo interno era tutt'altro che monolitico. Anzi, esso conteneva un coacervo di anime sia politiche, sia etiche, sia sociali, sia geografiche. Sotto lo scudo crociato, simbolo della Dc, coesistevano, pur se in modo spesso assolutamente riottoso, una sinistra sociale, una sinistra, un centro a sua volta suddiviso in varie correnti, una destra e un'estrema destra. I leader democristiani erano quasi sempre espressione di realtà locali, regionali o più spesso provinciali, cioè dei territori dove viveva l'elettorato che li aveva mandati in Parlamento. In altri termini, questi leader erano l'espressione del frazionamento storico e atavico dell'Italia, fin dall'epoca dei Comuni.

Ciascuno di loro cercava in tutti i modi, in alcuni casi anche con risultati grotteschi, di favorire la loro città o la provincia di provenienza.

Queste divisioni, e altre ancora che non sto qui ad elencare, comportavano tumultuosi e frequenti cambi di alleanze, i quali, a loro volta, comportavano frequenti variazioni delle compagini governative. Durante l'epoca d'oro della Democrazia cristiana, raramente i governi duravano in carica più di sei mesi. All'estero, soprattutto nei Paesi nei quali l'unità statale era stata raggiunta ormai da parecchi secoli, non si riusciva a capire come potesse sopravvivere e, anzi, a progredire, una nazione praticamente senza governo.

In realtà l'Italia della Democrazia cristiana, aveva molte attinenze con l'Italia dell'epoca Comunale. E cioè, lo abbiamo visto: mancanza di un forte potere centrale, competitività anche esasperata tra le realtà locali, libertà e capacità di impresa.

Il vero miracolo compiuto dai leader più illuminati della Dc fu quello di saper coniugare questo oggettivo frazionamento con alcune scelte politico-economiche compiute, invece, nell'ottica di una vera unità statale. Così, da un punto di vista economico, l'eccezionale crescita italiana era dovuta sia alle grandi imprese private aidate dallo Stato (come ad esempio la Fiat), sia alle grandi imprese a capitale statale (l'Eni ne è l'esempio più eclatante), ma anche e soprattutto alla miriade di medie e piccole imprese che erano l'espressione più genuina dello spirito d'iniziativa, della fantasia e dell'ingegno del popolo italiano.

Fu questo connubio tra Stato e privati il vero motore della crescita italiana. L'Italia continuò a crescere fino a che resse quell'anomalo sistema politico rappresentato dalla Democrazia cristiana. Il sistema cominciò ad entrare in crisi negli Anni Settanta, quando la Dc non ebbe più una maggioranza parlamentare e dovette fare i conti con una pletora di partiti e partitini che risultarono essere indispensabili per la formazione di qualsiasi governo.

Gli Anni Settanta e Ottanta sono ricordati dagli italiani come gli anni della corruzione politica dilagante. Molti componenti della pletora di partiti presenti in Parlamento, infatti, presero a comportarsi allo stesso modo delle fazioni dell'epoca dei Comuni. Essi si combattevano l'un l'altro senza esclusione di colpi. Il loro obiettivo non riguardava lo sviluppo del Paese, ma la loro propria crescita. Per raggiungere questo obiettivo, cioè per aumentare il proprio potere, avevano bisogno di denaro e, pur di ottenerlo, erano disposti a tutto. Fu così che alcuni partiti presero a taglieggiare le imprese in modo non molto dissimile da quanto era solita fare la criminalità organizzata.

Ovviamente, un sistema di tal fatta non poteva durare a lungo e, quando lo scenario internazionale lo permise con la fine del bipolarismo, i nodi vennero al pettine. Una magistratura per fortuna ancora indipendente provvide a decapitarlo. Un'epoca era finita e poteva cominciare un'altra.

Molti italiani pensarono, in buona fede, che la colpa dei mali che affliggevano la penisola fosse da attribuire alla frammentazione politica. Basta con i governi resi impotenti dai veti incrociati dei partitini che li compongono, dissero. E' giunta finalmente l'ora di avere dei governi forti. Fu così che l'Italia entrò in una nuova era delle signorie. O meglio, di una signoria. Da circa vent'anni, infatti, l'Italia ha dei governi relativamente stabili e stabile è anche la sua crescita. Peccato che essa sia molto vicina allo zero.

Le ragioni di questa stagnazione sono molte, ma io credo che la più importante riguardi proprio il fatto che il Paese è governato da una signoria, non importa se di destra o di sinistra. Le signorie della fine del Quattrocento governavano i Comuni e i territori limitrofi in funzione dei loro propri interessi, non di quelli dei cittadini. Temo che qualcosa di simile sia successo anche nell'Italia contemporanea e che questa sia la ragione principale del declino dell'Italia.

Tutto lascia pensare che l'epoca contemporanea delle signorie, complice la crisi economica internazionale, stia volgendo al termine. L'immagine che oggi, in Italia, il potere dà di se stesso è quello tipico degli imperi in totale decadenza e prossimi alla dissoluzione.

E non mi riferisco tanto o solo ai comportamenti privati di alcuni leader, ma ai paradossi ai quali il potere deve ricorrere per cercare di sopravvivere.

Fuori dall'Italia nessuno riesce a capire come sia possibile che un Paese abbia nel proprio governo, e con un ruolo assolutamente determinante, una forza politica secessionista, che si considera nemica dell'Italia e che, dichiaratamente, vuole separarsene.

Confesso che anch'io faccio fatica a comprenderlo.

Non so cosa farà seguito a questa moderna era delle signorie. Mi auguro e spero che l'Italia non debba attraversare un periodo di lunga decadenza, come le è capitato nei secoli successivi all'era dei Comuni.

Nessuno ha ricette pronte e infallibili per evitare questo rischio. Certo è che l'eventuale strada d'uscita non coincide con quella dell'unità se, con essa, si intende l'omologazione. L'unità, sicuramente necessaria, non deve tarpare le ali alle diversità regionali, comunali e personali. Non deve imporre lo stesso tipo di pasta a tutti. Non deve soffocare la fantasia, l'originalità e l'intraprendenza che costituiscono il patrimonio più importante di cui dispongono gli italiani. Quando è stata data loro l'opportunità di esprimere queste caratteristiche, gli abitanti della penisola italiana hanno sempre risposto in modo sorprendente. Spero succeda anche in futuro.